

АВТОРСКАЯ МАСКА

Ж.Р. Зидан

ВОСПРИЯТИЕ СЕБЯ И ДРУГОГО НА ПРИМЕРЕ КНИГИ-МЕМУАРОВ ЛУИСА 'АВВАДА «ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТА ЗАГРАНИЦЕЙ»

Аннотация. Предметом исследования является произведение египетского писателя и критика Луиса 'Аввада «Воспоминания студента за границей», где он описывает годы своей учёбы в университете Кембридж в Великобритании. Особое внимание в статье мы уделяем как анализу описания жизни иностранца в Великобритании, так и образу «Другого» у 'Аввада. В данном случае под «Другим» мы имеем в виду европейское общество 30-40 гг. XX в. Мы рассматриваем вопрос принятия новых реалий, анализа истории своей страны, сравнение культур и обычаев и т.д.

Методологически статья базируется на комплексном анализе произведения, написанного на египетском диалекте арабского языка. Также производится сравнительный анализ с другими произведениями жанра травелога в арабской литературе, как стилистический, так и содержательный.

Новизна исследования заключается в том, что ранее данное произведение подробно не исследовалось ни российскими арабистами, ни западными. Проанализировав данное произведение, мы можем проследить, как меняется осознание себя и другого героем, образность и образность мышления в течение нескольких лет проживания в Европе.

Ключевые слова: арабская литература, травелог, Луис Аввад, рихла, новая арабская литература, Египет, я – другой, мемуары, путешествие, арабистика.

Abstract. The subject of the research is the work written by an Egyptian writer and critic Luis Avvad 'Foreign Student's Memories' where he described his student years when he attended Cambridge in the Great Britain. Special attention is paid to the analysis of his description of a foreigner's life in the Great Britain as well as the image of the Other represented by Avvad in his book. Within the framework of the present article, the Other stands for the entire European society of the 30s- 40s of the 20th century. The author of the article touches upon the issues of adjusting to new realities, analysis of the history of one's own country, comparison of cultures and customs and etc. The methodological basis of the research involves an in-depth analysis of the book written in Egyptian dialect. The author of the article also carries out a comparative stylistic and content analysis of the book to other works written in the travelogue genre of the Arabic literature. The novelty of the research is caused by the fact that neither Russian nor Arabic scientists ever before appealed to that book. Having analyzed the book, it is possible to trace back changes in the perception of self and others, way of thinking experienced by the writer during his years of life in Europe.

Key words: Arabic studies, travel, memoirs, Self, the Other, Egypt, new arabic literature, rikhla, Luis Avvad, travelogue, Arabic literature.

Луис 'Аввад – египетский филолог, писатель и мыслитель XX в. (1915-1990), известный в египетской литературе, как основоположник научной литературной критики. Мы рассмотрим его книгу «Воспоминания студента за границей», где он описывает годы своей учебы в университете Кембридж в Великобритании. Автор покинул Египет в 1937 г., а вернулся на родину в 1940 г., проведя три года в

Европе. В данном произведении наглядно прослеживается как жизнь иностранца в Великобритании, так и образ «Другого» у 'Аввада. В данном случае под «Другим» мы имеем в виду европейское общество 30-40 гг. XX в.

Показательна история создания произведения. 'Аввад отмечает, что после возвращения на родину, много размышлял над вопросом об арабских диалектах и литературном языке. Ему было интерес-

Грант РГНФ от 13.05.2016 г. № 16-34-01055 «Категория прекрасного в арабской литературной традиции».

но поэкспериментировать и создать прозаический текст на египетском диалекте. Для своей цели автор выбирает жанр *рихла* – воспоминания о поездке ещё свежи (он приступает к книге в 1942 г.), и путешествия, по мнению египтянина, как нельзя лучше подходят для экспериментов с языком и для нового литературного опыта. Автор сравнивает свою работу в предисловии с лучшими образцами данного жанра («Описанием Парижа» шейха ат-Тахтави, с «Книгой о жизни и приключениях Фарйака» Ахмада Фариса аш-Шидьяка), подчёркивая его многообразии [3, с. 17]. Но 'Аввад делает важную оговорку: повествование в его мемуарах ведётся не на литературном арабском языке, а на египетском диалекте, что сближает его с соотечественником Байрамом ат-Туниси, который первым написал произведение в жанре *рихла* на диалекте. Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, автор считает себя преемником просветителей XIX в. в области письма в жанре путешествия. Но, с другой стороны, данная традиция к 30-40 гг. XX в. претерпела некоторые изменения. Если предшественники 'Аввада, сравнивая восток и запад, искали пути дальнейшего развития для своих стран, интересовались устройством образовательных, медицинских, военных систем в европейских странах, то он постоянно находится в пути, и, следовательно, в повествовании уделяет больше внимания констатации фактов и реалий, свидетелем которых он становится, попутно через призму Англии пересматривая историю и реалии своей страны. Написание работы на египетском диалекте, а не на литературном арабском языке подчёркивает, что автор хотел выделить свою египетскую идентичность среди арабов из других стран.

'Аввад отмечает, что рукопись книги «Воспоминания студента за границей», была им утеряна, а спустя много лет нашлась, после того как её отрывок был опубликован в египетской газете. Автор закончил свои мемуары в 1941 г., но опубликованы они были лишь в 1965. 'Аввад хотел издать мемуары сразу, но они не прошли цензуру египетского министерства культуры, так как англичане были представлены в данной книге не в лучшем свете, что могло нанести ущерб отношениям Англии и Египта во время Второй мировой войны [3, с. 18-19].

Продолжая традицию произведений жанра *рихла*, герой и автор начинает повествование с описания отъезда из страны, а точнее бюрократию, в связи с которой ему было сложно получить стипендию и уехать. Изодня в день 'Аввад бегал из одного учреждения в другое, но ему давали новый адрес для обращения или говорили: «Приходи завтра!», «Приходи потом!», «Приходи в субботу!», в итоге его направили в министерство, а там посоветовали писать «письма» [3, с. 33-40].

Мы видим, что с одной стороны, молодой египтянин хочет, как можно дольше жить в Англии, поэтому делает запрос на получение и магистерской, и докторской степени. С другой стороны, отношение к англичанам как к колонизаторам всё равно остаётся в подсознании автора, ведь родился 'Аввад в 1915 г., т.е. во время протектората Великобритании над Египтом (1914-1922 гг.). Уже в Англии, сидя в автобусе, 'Аввад вспоминает, что в Египте их учили воспринимать Англию как политического врага [3, с. 110].

Во время путешествия на поезде из родного города эль-Минья в Александрию, 'Аввад внимательно рассматривает природу родной стороны, и признаётся, что начинает чувствовать нежность по отношению к своей стране, куда он может быть никогда и не вернется. Он пишет: «Я сидел и рассматривал поля, телефонные провода, свисающие повсюду, финиковые пальмы, глиняные дома. Пыль летела в глаза, но в этот прощальный час я готов был терпеть её часами. Я прощался с египетской деревней. С деревней, к которой испытывал нежные чувства, с деревней, где прожил много лет. Именно такие чувства я испытывал в тот момент. Я покидаю Египет, и может быть навсегда. Поэтому надо насмотреться на земли своей родины, так насмотреться, чтобы на четыре года точно хватило. Я почувствовал себя туристом. Иными словами, во мне проснулась ностальгия по родине, хотя я ещё её не покинул» [3, с. 32].

Исследуя вопрос осмысления истории своей страны, отметим тот факт, что, судя по описанию круга чтения автора и рассуждений в беседах с другими людьми, эта проблема волновала 'Аввада уже многие годы. История вообще была одной из областей его интересов. Он пишет, что при прочтении книг так или иначе связанных с этой наукой, он мечтает родиться в другую эпоху, во времена французской революции, лично покормить Марию-Антуанетту восточными сладостями, пообщаться с Жан-Жаком Руссо и лично стать свидетелем исторических событий. Для автора это время характеризуется лозунгом революции «Свобода. Равенство. Братство» [3, с. 129].

В своей работе по литературе и критике 'Аввад говорит, что в домашней библиотеке его семьи были в основном книги на иностранных языках, и, тем не менее, отец настаивал на том, чтобы дети уделяли большое внимание арабскому, учили наизусть Коран (при том, что семья была христианской). Таким образом, с детства автор был приучен к чтению на разных языках и был хорошо знаком, как с памятниками арабской литературы (литератор вспоминает, что во время летних каникул министерство культуры бесплатно раздавало книги на

арабском, которые он прочитывал одну за одной), так и с европейской литературой.

Из Египта до Франции 'Аввад добрался на корабле. Примечательно, что в первую очередь сделал египтянин, попав на корабль: переоделся. «Я пошел искать каюту, в которой я живу, потом искал свой багаж, затем отнёс свой багаж в свою каюту, принял душ и переоделся. Знаешь, как я оделся? Я надел норфолкский жакет и штаны для гольфа, и пошёл гулять» [3, с. 45]. Ему очень хотелось, чтобы окружающие думали, что он так ходил всю свою жизнь. Автор сам не знает, откуда у него в голове взялась идея, что англичане одевались именно так: из книги ли, из кино ли. В данном случае, он использует нарративный приём перевоплощения в другого. Данный приём, появившийся в фольклорных произведениях, в XX в. часто используется в историческом романе. Сохраняется его первоначальная функция – защитная [1, с. 7-11]. В «Воспоминаниях студента за границей» 'Аввад таким образом перевоплощается в типичного, по его мнению, англичанина, за счёт чего чувствует себя в новом обществе комфортнее.

По дороге во Францию корабль остановился в Генуе. Описывая этот город, 'Аввад сравнивает его с родным Египтом. Он удивлён тем, что в некоторых местах, город грязнее, чем Египет, хотя есть в городе очень красивые улочки [3, с. 49].

Следующей остановкой становится Марсель, который совсем не понравился автору, из-за своего грязного и неопрятного вида с моря. 'Аввад вспоминает Александрию, и говорит, что порт египетского города – самый красивый на Средиземном море. Интересно, что молодой литератор, хоть и покинул свою родину, всё время находится в окружении арабов. Сразу по прибытии корабля в порт Марселя 'Аввад с двумя товарищами идёт в кафе «Риш», где как ему говорили, часто бывают египтяне. И действительно, он встречает соотечественников, но при этом удивлён, что их в Марселе так много [3, с. 56]. Уже в Лондоне автор поселится в пансионе, где будут проживать ещё два египтянина, которые его всему научат: как покупать продукты, экономить, общаться с англичанами и англичанками, играть в карты и т.д. [3, с. 112].

После остановки в Марселе группа студентов из Египта, среди которых Луис 'Аввад, оказывается в Париже. Автор мемуаров описывает своё волнение, ведь он столько читал про этот город, но, в первую очередь его интересует то, что по улицам французской столицы ходили египетские деятели культуры: Заки Мубарак, Тауфик аль-Хаким и т.д. [3, с. 63].

В Париже автор оказывается во время проведения Всемирной выставки 1937 г., которая проходила с 25 мая по 25 ноября в Париже под деви-

зом: «Искусство и техника в современной жизни». Ещё в Египте ему рассказывали, что эта выставка в первую очередь будет соревнованием Советского Союза и Германии, но 'Аввад также зашёл в павильон соотечественников, чтобы оценить их работу. Автор с досадой отметил следующее: «Я зашёл в павильон Египта, чтобы взглянуть одним глазом, чем занимаются мои соотечественники рядом с представителями других стран. Но это того не стоило. Если бы власть была в моих руках, то я бы обязал Мухаммада Махмуда Халила Бека прожить 48 часов в нищете, за то, что он устроил в павильоне на выставке, но какова польза в словах, что сделано – то сделано».

Покидая Париж, автор любит красота пейзажа в окно и его мысли отсылают нас к тому, о чём он думал, оставляя родину. Теперь автор любит французской деревней, и заостряет своё внимание на том, что здесь нет пыли. Кажется, пыль – это один из ключевых символов Египта для 'Аввада. Он пишет: «Здесь абсолютная красота. И нет пыли. Да, да, нет пыли и грязи. Во всей стране нет. Кажется, что грязь есть только в Египте... Даже один француз как-то написал книгу про Египет и даже он упомянул важность грязи в нашей жизни. Грязь, грязь. Грязь в правительственных учреждениях, грязь в глазах людей, грязь на дорогах... Я понимаю, почему дом египетского крестьянина может быть грязным. Дело в бедности. Я понимаю, почему *галабия* крестьянина грязная. Из-за бедности. Но почему улицы, дороги у нас такие, ведь египетское правительство совсем не бедное» [3, с. 75].

В декабре 1938 г. 'Аввад вернётся в Париж на рождественские каникулы. Ему будет интересно, как здесь веселятся, как проводят свободное время, как устроена учёба в Сорбонне. Приехав сюда на каникулы, большую часть времени он проводит в обществе египетских друзей, многих из них он знал по учёбе в Каире. Автор отмечает, что за границей арабы оказываются друг другу ближе, чем они думали [3, с. 193-198]. В один из дней, прогуливаясь с друзьями, он встречает египтян и студента из Ирака, которые очень громко обсуждают единство арабского народа [3, с. 196].

По прибытию в Лондон 'Аввад узнаёт, что приступить к учебе в Кембридже он сможет только с весеннего семестра, так как на осенний семестр он опоздал на один день [3, с. 101]. Египтянин, не привыкший к таким точным срокам, оказывается в замешательстве. Вся группа студентов, с которыми он вместе проделал путь из Египта в Англию, со дня на день разъезжалась по разным городам, и он остаётся сам по себе в чужой стране, в чужом городе. В этот момент автор впервые чувствует себя одиноким, гуляя по британской столице. Он пишет по

этому поводу следующее: «Семь миллионов душ в Лондоне, а у меня ни одного друга!» [3, с. 101].

Молодого египтянина волнует то, как его воспринимают окружающие. Его очень расстраивает, что все англичане принимают его за индийца, так как у него смуглая кожа. 'Аввад такое сравнение считал оскорбительным, так как для него это говорило о том, что англичане забыли его страну – Египет и её жителей, несмотря на то, что провели там много лет [3, с. 110].

Болезненное восприятие своей «непохожести» также нашло отклик при заселении: первая мысль, которая пришла ему в голову, после того как он узнал, что не может жить в общежитии, была о том, что причиной этому является тёмный цвет его кожи и поэтому даже ходить по улицам надо опасаться нападения. Но декан факультета разубедил его, оказалось, что в общежитии живут только студенты бакалавриата [3, с. 154].

Гуляя по Лондону в один из первых дней своего пребывания, автор не заходил в рестораны и кафе, так как боялся, что его выгонят, хотя был очень голодным. Когда на него обращали внимание девушки, он также считал, что на него смотрят просто потому, что он смуглый [3, с. 101-102].

При этом сам 'Аввад также мог перепутать национальности европейцев. Будучи в Лондоне Луис первый раз встречается с европейцем, который не любит Англию. Им стал норвежец, которого он принял за англичанина, на что скандинав очень обиделся и начал ругать Англию, сравнивая её со своей страной. При описании этой истории мы узнаём, что с англичанами наш автор общался только в школе и университете и это были его преподаватели [3, с. 109]. И даже соотечественника он однажды принял за индийца, когда приехал в Кембридж в первый раз [3, с. 143].

Под конец своего пребывания в Европе, 'Аввад уже не подчёркивает различие цвета кожи. Но по дороге на родину в 1940 г. оказывается в Кейптауне. Здесь проблема появляется вновь. Все кафе, магазины, банки, остановки и даже общественные туалеты подвергались в городе чёткому делению: одни для белых, другие – для чернокожих. Молодой египтянин и его соотечественники не знали, к какой категории себя причислить. В итоге, зайдя в бар «для белых» они столкнулись с тем, что им отказали в обслуживании. Но после нескольких лет в Европе, египтян уже не так сильно волновали предрассудки и правила, поэтому они начали их нарушать, и вскоре весь город знал, что прибыли египтяне, которые не соблюдают правила деления города [3, с. 238-241].

В январе 1938 г. учёба 'Аввада в Королевском колледже, наконец, началась. Поначалу универ-

ситет оправдывал все надежды молодого литератора, он был поражён архитектурой, историей университета. После первой поездки в Кембридж, которая продлилась всего два дня, автор сравнивает Лондон и университетский городок, отдавая явное предпочтение последнему. Он считает, что там собраны лучшие из лучших представители страны, «сливки общества», люди, которые в будущем действительно будут влиять на историю [3, с. 145-147]. Но уже в начале своего повествования он описывает странные правила университета, регламентирующие, куда студент может ходить, что делать и даже что носить. Молодому египтянину такие рекомендации, зафиксированные в специальных сборниках правил, показались очень странными, так как в Египте никто никогда не интересовался такими частными вопросами его жизни. Он пишет: «Форму я должен был носить всё время, на улице, в кафе, везде, где меня могут увидеть, а если кто увидит меня не в форме, то мне придётся заплатить штраф... Я даже узнал, что дома нельзя засиживаться допоздна, и ни одного гостя не должно быть после 10 вечера... Также оказалось, что хозяин дома должен закрывать дверь ровно в 10 вечера, а если студент опаздывал хоть на минуту, то об этом надо было доложить в течение недели» [3, с. 155]. Помимо официального сборника правил, был ещё и неофициальный сборник, который помогал новым студентам влиться в коллектив, здесь были прописаны советы и наставления от прошлых поколений учащихся [3, с. 156]. 'Аввад отмечает, что на самом деле все англичане – обманщики, на каждое правило находилась своя лазейка, в разговоре с воспитателями можно было что-то недоговорить, чем и пользовались все студенты [3, с. 165].

По прибытию в Кембридж 'Аввада поселили жить с семьей Мерсер. Глава семьи служил в Египте во время демонстраций 1919 г. Во время службы он потерял зрение. В этот момент и начинаются внутренние противоречия египтянина. С одной стороны, он сочувствует англичанину, с другой стороны, он не может себе представить жизнь в доме человека, который убивал его соотечественников. Египтянин пишет: «Он подошёл ко мне, с большим трудом, и начал говорить про Египет в 1919 г. Он рассказывал мне про революцию, про студентов и про убийства. Затем он рассказал, что стал слепым на одной из многочисленных демонстраций. Честно говоря, я не знаю, как описать, что я почувствовал. Конечно же, мне было немного жаль этого человека... Ну а что делать с теми людьми, которых он убил? Как я мог смириться с жизнью в одном доме с человеком, который когда-то, спрятавшись за мешками с песком на улице, стрелял в моих соотечественников... Конечно, это не было лично его вина, он подчинял-

ся приказам, и я понимаю, что, если бы ему сказали: бери в охапку и целуй каждого египтянина на улице в обе щеки, он бы так и делал. Но я действительно был зол на своего наставника, ведь он знал обо всём этом и всё равно отправил меня жить в дом этого человека. Но я старался не думать об этом, убедил себя в том, что это было совпадение или необходимости, а может наставник и не знал или мужчина забыл ему сказать» [3, с. 157-161].

‘Аввад подробно описывает странный и обидные для него вопросы, с которыми обращаются к нему другие студенты, например, «В Египте вы сидите под пальмами, открыв рот, а финики сами туда падают?» или «А вы купаетесь в молоке в Египте?» [3, с. 158]. Автор эти вопросы воспринимал близко к сердцу, хотя другие студенты и собеседники действительно могли ничего не знать о Египте. Но для ‘Аввада это было неприемлемо, он ещё помнил английские войска у себя на родине. Возможно, из-за такого отношения в университете ‘Аввад в основном общался с египтянами, которые также учились в то время в Кембридже. Здесь стоит отметить, что с самого начала пути в другую страну автор старается быть с соотечественниками, например, во Франции он не отстаёт от остальной группы студентов из Египта и по Парижу их водит студент-египтянин [3, с. 61], в Марселе студенты идут в кафе, где по слухам часто бывают египтяне [3, с. 56].

В Кэмбридже существовало арабское общество студентов и преподавателей «Фараон», заседания которого автор «Воспоминаний» часто посещал. Встречи проходили у кого-либо дома, здесь пили чай, играли в карты и обменивались мнениями по различным вопросам. Среди студентов – египтян были представители разных профессий: математики, экономисты, специалисты по сельскому хозяйству, психологи, врачи и т.д. Но литературоведом был только ‘Аввад, т.е. даже в близком себе обществе он оставался одинок [3, с. 179-183].

Примеров общения с европейским обществом в книге не так много, один из самых ярких: возвращение на родину. На корабле из Англии в Кейптаун египтяне и англичане поначалу сторонились друг друга, но национальная грань стерлась через несколько дней путешествия, тем более что из-за начала войны, длилось оно не три недели, а сорок пять дней. Пассажиры англичане и арабы друг к другу привыкли и начали ходить друг к другу на вечеринки. ‘Аввад описывает, как один египтянин катается на спине у англичанина, а англичане пьют из стаканов, которые держит египтянин [3, с. 227].

Конечно, описывая англичан, автор «Воспоминаний» был несколько субъективен. На второй день пребывания в Англии, Луис ‘Аввад направля-

ется в бюро, где занимаются регистрацией и распределением иностранных студентов. Сначала его встречает лично директор бюро – мистер Ватсон – и предоставляет ему документы для заполнения, но спустя какое-то время на беседу к себе его вызывает доктор Хусам, так как директор бюро был очень занят. Это обидело ‘Аввада [3, с. 99-100]. Однако, когда через несколько минут беседы, не потребовав никаких дополнительных документов, и доктор Хусам выдал ему чек для оплаты в банке, где также не спросили ни одного документа, египтянин воскликнул: «Какая чудесная страна, все друг другу доверяют!» [3, с. 100].

Тем не менее, уже летом 1939 г., отправившись на каникулы во Францию, ‘Аввад селится в пансионе, где старается как можно больше общаться с европейцами. Каждый вечер он спускается в салон, где ведутся светские беседы: о Франции, её истории, литературе, современной обстановке в мире и т.д. [3, с. 199-200] Здесь же, в пансионе, он знакомится с еврейкой из Египта, которая уже давно живёт во Франции. Она оскорбительно отзывалась о Египте и египтянах, что очень задевает ‘Аввада, тем более что у неё до сих пор сохраняется египетское гражданство. Женщина оправдывается тем, что не имеет в виду коптов, когда говорит о египтянах. ‘Аввад был представителем именно этой конфессии. Но для автора нет разницы между коптами, мусульманами и евреями, для него все его соотечественники в первую очередь египтяне [3, с. 207-209].

Более всего в своих мемуарах ‘Аввад зафиксировал общение с европейскими женщинами. Приехав в 1938 г. в Париж на Рождество и Новый год, он был поражён тем, как в этой свободной стране мамы и тётки охраняют дочек на вечеринках [3, с. 190]. Несмотря на то, что его представление о свободе европейских женщин несколько изменилось, он понимает, что их положение несравнимо с положением египтянок [3, с. 193]. В 1938 г. и далее ‘Аввад уже не упоминает наивные вопросы, которые ему задают по поводу Египта. Теперь он общается с людьми и получает удовольствие от знакомства с ними, даже мимолетного.

В начале 1940 г. ‘Аввад покинул университет, так и не закончив диссертацию по причинам, которые нам до сих пор неизвестны. Одно из предположений заключается в том, что в связи с началом Второй мировой войны была урезана стипендия. Но в своих «воспоминаниях» ‘Аввад пишет, что это было его личным решением. На финансовую причину указывает количество соотечественников на станции. Он встретил двести египтян, которые направлялись домой. Маршрут поездки был изменён в последний момент из-за войны. Путь домой для

‘Аввада лежал через всю Африку. Он не сравнивает Африку и Европу, как уже не сравнивает Египет и Англию, и Францию. Единственное, что он отмечает, это красоту города Дурбан – одну из гаваней ЮАР. Он считает, что этот город красивее Лондона, Парижа, Александрии и Каира [3, с. 262].

Проанализировав данное произведение, мы можем проследить, как меняется осознание себя и другого героем «Воспоминаний студента за границей» в течение нескольких лет проживания в Европе. Сначала мы видим закомплексованного молодого египтянина, который печется о том, что о нём подумают, переживая из-за цвета своей кожи, смущается по поводу вопросов о Египте. Но спустя пару лет, он уже не стесняется самого себя и естественно ведёт себя в любых ситуациях, не боится нарушать традиции, а в случае с ЮАР даже закон.

Что касается восприятия Европы, то здесь ‘Аввад несколько разочаровался. Особенно это касается Франции. Он представлял себе, что после Великой французской революции здесь царят свобода и равенство, но пообщавшись с французами, понял, что это не совсем так [3, с. 200-207].

Что касается образа пыли, которому автор уделял много внимания в начале повествования, то в конце произведения он не появляется, так как путь домой лежал по морю, а затем автор впервые очутился в самолёте. Но, оказавшись в Хартуме, первое, что отмечает ‘Аввад – Нил и пустыню, что с одной стороны указывает на близость родных мест, а с другой стороны, намекает на некую пустоту по сравнению с началом путешествия, где автор описывал яркую, зелёную природу, которую наблюдал через окна поезда.

Список литературы:

1. Абрамова Е.И. Переодевание и перевоплощение (к вопросу о взаимодействии мотивов) // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2013. № 1. С. 7-11.
2. ‘Awaḍ Louis. Awrāq al-‘amr. Sanawāt at-takwīn. Maktabat Madbūli. Al-Qāhira, 1989. 633 p.
3. ‘Awaḍ Louis. Mudhakkarāt Talib Bi’tḥah. Al-kitāb adh-dhahabi, 1965. 291 p.
4. Mandur Mohammad. An-naqd wa an-nuqad al-mu’aāširūn. Dar al-qalam, Beirut, 1963. 180 p.

References (transliterated):

1. Abramova E.I. Pereodevanie i perevoploshchenie (k voprosu o vzaimodeistvii motivov) // Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya. 2013. № 1. S. 7-11.
2. ‘Awaḍ Louis. Awrāq al-‘amr. Sanawāt at-takwīn. Maktabat Madbūli. Al-Qāhira, 1989. 633 p.
3. ‘Awaḍ Louis. Mudhakkarāt Talib Bi’tḥah. Al-kitāb adh-dhahabi, 1965. 291 p.
4. Mandur Mohammad. An-naqd wa an-nuqad al-mu’aāširūn. Dar al-qalam, Beirut, 1963. 180 p.